

Г. А. КОКИЕВ

С. А. ТУККАЕВ — ЭТНОГРАФ ОСЕТИНСКОГО НАРОДА

Недолгая жизнь С. А. Туккаева (умер 32 лет от роду) небогата событиями.

Соломон (по-осетински Габуди) Туккаев родился 16 декабря 1857 г. в с. Христианском, в Осетии (ныне с. Дигора Северо-Осетинской АССР). Его родители — простые, неграмотные крестьяне; отец всю жизнь занимался земледелием и пчеловодством. Родители постарались дать Туккаеву образование. Он учился сперва в начальной школе своего родного селения, затем окончил курс Владикавказского реального училища и поехал в Петербург, где и поступил в Лесной институт. Однако Туккаев плохо переносил петербургский климат и вскоре перевелся в Москву, в Петровскую земледельческую и лесную академию (27 сентября 1880 г.). 3 мая 1886 г. С. А. Туккаев был выпущен из Академии со званием «действительного студента сельского хозяйства»¹.

Но ему не пришлось работать по своей специальности: он служил в Московской казенной палате, потом в Департаменте оплатных сборов и (с 1 октября 1888 г.) податным инспектором в Армавире. Туккаеву, как податному инспектору, приходилось часто бывать в разъездах. В результате одной такой командировки у него вновь разыгрался воспалительный процесс в правом легком². 29 марта 1890 г. Туккаев скончался в родном доме в с. Христианском.

Подпоручик 78 пехотного Навагинского полка В. Саламов в письме к В. Ф. Миллеру сообщил следующие подробности: «На похороны Туккаева собралось все селение, и можете вообразить, какой там плач поднимали не только родственники его, но и посторонние. Почти со всех селений приезжали, чтобы оплакать его. Туккаев был надеждой не только новохристианцев, но и всех остальных дигорцев».

Туккаев был в большой дружбе с В. Ф. Миллером. Их первая встреча произошла во второй приезд Миллера в Осетию, летом 1880 г.³ В это время В. Ф. Миллер ставил своей задачей выяснить роль иранской культуры и соседства русских с иранскими и тюркскими племенами в создании сюжетов и образов русского эпоса. Он уделял большое внимание изучению нартовского эпоса (названного им совершенно правильно эпосом), некогда сложившегося в степях Северного Кавказа и наиболее полно сохранившегося у кабардинцев и осетин.

Сознавая ту роль, какую могли сыграть образованные осетины в собирании памятников устного народного творчества, Миллер создал среди тогдашней осетинской интеллигенции значительный круг сотруд-

¹ «Известия Петровской Академии», вып. 3, М., 1886, стр. 160.

² Еще в декабре 1887 г. у С. А. Туккаева открылся туберкулез в острой форме. Десятимесячное лечение в Кисловодске несколько поправило его здоровье.

³ Первую свою поездку для изучения кавказской этнографии и осетинского языка Миллер предпринял в Осетию в 1879 г. Вторую поездку в Осетию он предпринял в 1880 г. В эту поездку Миллер произвел запись осетинских сказаний и собрал лексический материал по осетинскому языку. В третий раз Миллер посетил Осетию в 1881 г.; тогда же он сделал доклад о результатах своих научных наблюдений над осетинским языком на V археологическом съезде в Тифлисе. В четвертый раз Миллер посетил Осетию вместе с М. М. Ковалевским в 1883 г. для сбора языковых и этнографических материалов. Наконец, пятую и последнюю поездку в Осетию Миллер предпринял в 1886 г. с археологическими целями.

С. А. Туккаев

ников, принимавших участие в его дальнейших филологических исследованиях.

В семье Миллера Туккаев познакомился и часто встречался с русскими учеными — М. М. Ковалевским, Н. Н. Харузным, А. С. Халлюповым, В. Н. Богдановым, инженером И. Ш. Анисимовым, Н. Я. Леоновым, будущим академиком Н. В. Насоновым и другими представителями русской науки и культуры. Общение с ними имело для Туккаева большое значение, поднимая его культурный уровень и укрепляя в нем интерес к научным вопросам, зародившийся еще на студенческой скамье.

Туккаев интересовался работами самого Миллера. Ознакомившись с «Осетинскими этюдами» Миллера только после их выхода в свет, он писал автору: «Очень рад, что Ваша теория о моих предках все больше и больше подтверждается».

Будучи оторван от научных центров, Туккаев (даже в тяжелые моменты приступов болезни) не переставал интересоваться научной жизнью Москвы. Он часто просил Миллера информировать его о том, что нового в Московском университете, в Обществе любителей есте-

этнографии, членом которого он состоял, интересовавшиеся новыми трудами русских этнографов.

Интерес к этнографии Туккаеву привил его друг В. Ф. Миллер, под влиянием и руководством которого он начал записывать и собирать материалы устного народного творчества осетин.

В вопросах осетинского языка и этнографии мнение молодого студента для Миллера было достаточно авторитетным⁴. В процессе работы над «Осетинскими этюдами» Миллер нередко обращался к Туккаеву за консультацией и всегда получал от него нужную справку⁵.

Миллер писал: «С. А. Туккаев помогал нам в занятиях в Москве в течение зимы и лета текущего года»⁶.

Туккаев переводил для Миллера дигорские тексты с русского языка на дигорский диалект. Так, было переведено изданное Миллером «Предание о том, как пчелы явились в Дигории»⁷. Дигорские тексты, переведенные Туккаевым, по словам Миллера, были ему «полезны при объяснении отдельных слов и расстановке ударений»⁸.

В дальнейшем работа Туккаева в области осетинской этнографии, протекавшая под руководством Миллера, приняла более серьезный и самостоятельный характер. В каникулярное время Туккаев приезжал в родной аул, где производил записи дигорских народных сказаний. Эти записи, после их научной обработки при ближайшем участии Миллера, появлялись в печати. Так, семейное предание «Туккаевская болезнь», записанное Туккаевым в родном ауле, было напечатано в сборнике Миллера⁹. Записанные Туккаевым со слов старика Масико Туккаева две интересные дигорские сказки «Кривой великан» и «Асаго» также были опубликованы Миллером¹⁰.

Туккаев записал также пять дигорских сказок, которые в 1891 г. по его черновой рукописи с транскрипцией Миллера были напечатаны в издании Академии Наук, с немецким переводом, сделанным Ф. Р. Штакельбергом, и глоссарием, — «Fünf Ossetische Erzählungen im Digorischen Dialekt, herausgegeben von W. Miller und R. von Stackelberg, mit deutscher Uebersetzung, Glossar und Anhang von R. Stackelberg».

Туккаевым были записаны четыре дигорских сказания: «Арта ангари» («Три товарища»), «Авдан бадтан» («Привязывание ребенка к люльке»), «Руймон» (мифическое змеевидное чудовище, спускающееся с неба) и «Биттир» («Летучая мышь»). Перечисленные сказания в черновой записи Туккаева попали к Миллеру, который опубликовал их (уже после смерти Туккаева) в «Трудах» Лазаревского института восточных языков¹¹. Сказание о «Трех товарищах» в рукописи Туккаева не было окончено¹².

Туккаев снабжал Миллера материалами по дигорскому диалекту, по обычаям и религиозным верованиям дигорцев¹³. Миллер имел полное основание заключить предисловие ко 2-й части «Осетинских этюдов» следующими словами: «В заключение заявляем вторично нашу признательность Соломону Алексеевичу Туккаеву, которому мы обяза-

⁴ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. 1, М., 1881, стр. 120, 124, 129, 131—133; ч. 2, М., 1882, стр. 4, 38, 39, 267.

⁵ Там же, ч. 2, стр. 238, 270, 281, 282, 284, 289; ср. «Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее», вып. 1, М., 1886, стр. 140.

⁶ «Осетинские этюды», ч. 1, стр. 5.

⁷ Там же, ч. 1, стр. 12 и 95—97.

⁸ Там же, ч. 1, стр. 5.

⁹ «Осетинские этюды», ч. 1, стр. 99—101.

¹⁰ «Сборник материалов по этнографии», вып. 1, М., 1885, стр. 121—138.

¹¹ «Дигорские сказания». Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков, вып. XI, М., 1902, №№ VIII, XI, XII, XIII.

¹² «Труды по востоковедению», вып. XI, стр. 47—48.

¹³ «Осетинские этюды», ч. 2, стр. 295.

ны нашими сведениями по дигорскому наречию, а также по религиозным верованиям и обычаям дигорцев».

Из научных работ С. А. Туккаева самой интересной следует признать его обстоятельный историко-этнографический очерк по горной Дигории, напечатанный в газете «Терские Ведомости»¹⁴. Насыщенный историко-этнографическими материалами, построенный на личных наблюдениях, очерк Туккаева ярко рисует земельные отношения осетин нагорной полосы и для истории Осетии конца XIX в. имеет большое значение.

Дав обзор подсобных отраслей крестьянского хозяйства горных осетин, Туккаев подробно останавливается на их основных занятиях — земледелии и скотоводстве. Он дает интересную картину землеведения в нагорной полосе, основанного на частной поземельной собственности. В совместном пользовании нескольких обществ находились пастбища и леса, в пользовании каждого отдельного общества — горные пастбища, выгон и (в редких случаях) луга. В частном пользовании находились пахотные участки и луга. Таким образом, осетинская семья (двор) имела собственные пахотные и сенокосные участки, а выгоном, лугами, пастбищами и лесами она пользовалась на общинных началах.

В зависимости от месторасположения и качества почвы земельные угодья в нагорной полосе, как выяснил Туккаев, делились на две категории. К первой категории относились приусадебные участки (известные у осетин под названием «мидгом-зах») с рыхлой, легко удобряемой почвой, ко второй — пахотные участки на известном расстоянии от аула («корон-зах»), расположенные на крутых склонах гор и мало удобные для земледелия.

Единицей измерения земельных угодий считался у осетин такой участок, который мог вспахать пахарь сохой за один рабочий день. Такой участок назывался у осетин «бонцау» или «бонганда». «Бонцау» был двоякого рода: «тоги бонцау», которым уплачивали цену крови, и «бонцау» хозяйственный. Длина и ширина «тоги бонцау» (по исследованиям Туккаева) равнялись восьми веревкам, веревка — четырем «ивазнам», а «ивазни» — расстоянию между пальцами широко расставленных рук, или (приблизительно) одной сажени. Таким образом, по исчислению Туккаева, «тоги бонцау» равнялся: $4,8 \times 4,8 = 32 \times 32 = 1024$ квадратным саженам.

Что касается хозяйственного «бонцау», то размер его колебался от 234 до 624 и даже до 800 квадратных сажений. Поскольку размер хозяйственного «бонцау» определялся рабочим днем, то в зависимости от топографии местности, почвенных условий, состояния хозяйственного инвентаря, темпов работы и пр. он всюду был разный.

В горах Осетии малоземельные крестьянские дворы, имевшие от 600 квадратных сажений до одной десятины земли, составляли основную массу крестьянских хозяйств. Немало было среди осетин безземельных и даже бездомных, разорившихся крестьян, которые даже имели право пользоваться выгоном и горными пастбищами, но пахотные и сенокосные участки были вынуждены арендовать у более богатых крестьян исполу. Этот порядок аренды у осетин назывался «стидзон» и являлся «отработком» — остатком барщинно-крепостнического хозяйства.

Острая нужда в земле порождала среди осетин нагорной полосы баснословно высокие цены на землю. Особенно дорого стояли участки «мидгом-зах». Если хозяйственный «бонцау» («корон-зах») стоил в 90—100 руб., то участок в один «бонцау» («мидгом-зах») стоил от 400 до 500 руб. Если перевести на тогдашние русские меры, то означенная

¹⁴ «Терские Ведомости», 1889, №№ 93, 94, 95, 100.

десятина «горон-зах» стоила 350—400 руб., а такая же десятина «мидгом-зах» — 1200—1900 руб. Незаливной луг в один «бонцау» стоил от 250 до 300 руб., а заливной — от 500 до 700 руб. Были районы с еще более высокими ценами на землю. В Стырдигорском районе стоимость казенной десятины «мидгом-зах» достигала 3000 рублей.

Бесцельны сообщения Туккаева о специфических формах эксплуатации осетинской бедноты кулаками-скотоводами. Основная масса крупного и мелкого скота концентрировалась в руках кулацкой прослойки осетинского аула, а значительная часть крестьянства не имела ни молочного, ни рабочего скота. В 90-х годах XIX в. в нагорной полосе Осетии 10% крестьянских хозяйств не имели крупного рогатого скота, безлошадные хозяйства составляли 41%. Безземельные и бесскотные осетины поддерживали свое существование батрачеством, которое было развито не столько в земледелии, сколько в скотоводческом хозяйстве. Бедняки выступали и в качестве арендаторов кулацкого скота. Существовали различные формы аренды скота, описанные Туккаевым.

Один из наиболее распространенных видов аренды скота у нагорных осетин был известен под названием «ласка» и заключался в том, что бедняк брал у кулака стадо овец на выпас, сроком на 5 лет. В течение этого времени все расходы по зимнему и летнему продовольствию стада лежали на арендаторе. Собственник стада каждый год получал от арендатора половину всей шерсти и все шкурки павших и зарезанных овец. Молочные продукты составляли собственность арендатора. По истечении 5 лет все стадо делилось поровну между арендатором и собственником. Условия аренды могли быть расторгнуты раньше срока только по обоюдному соглашению. Если договор расторгался по истечении трех лет, все стадо делилось на три части: одну треть получал арендатор, а две трети — собственник стада.

Практиковался и другой вид аренды, продолжительностью в три года. На этот срок арендатор брал на себя все расходы по содержанию арендуемого стада. По истечении арендного срока арендатор вместо взятых двух овец возвращал кулаку трех.

Третий вид аренды, известный у осетин под названием «ласкдзаран», заключался в том, что из стада, для которого нанимался пастух, выделялось известное количество овец (50—60 и более голов). На ушах выделенных овец и их приплода пастух ставил свою метку и в течение 5 лет пас их вместе с остальным стадом. Молочные продукты со всего стада поступали в собственность кулака, а шерсть от овец с меткой пастуха делилась поровну между пастухом и хозяином. По истечении срока аренды все овцы с меткой пастуха делились поровну между пастухом и кулаком. Этот вид аренды был наиболее выгодным для кулака и наиболее разорительным для бедняка: пастух за всю свою работу получал только 50% шерсти от овец со своей меткой и 50% меченых овец. Таким образом, как указывал В. И. Ленин, «торговый капитал хозяев-скотоводов поставил в полную зависимость от себя мелких крестьян, он превратил их в своих скотников, выращивающих для него скот за грошевую плату»¹⁵. Так как пастух-арендатор нес материальную ответственность за целостность первоначальной численности стада, то при подсчете всего поголовья последнего пастух-арендатор не только ничего не получал за свой труд, но обычно оказывался в «долгу» у кулака, который заставлял его подрядиться в уплату «долга» еще на пять лет. В результате бедняк окончательно запутывался в сетях аульного кулака, из цепких рук которого освободиться было почти невозможно.

Интересный очерк Туккаева, рисующий процесс расхождения осетинского крестьянства на капиталистической основе, остался неизданным (он печатался в четырех номерах газеты «Терские Ведомости»¹⁶).

С. А. Туккаев был первым этнографом и фольклористом дигорцев, первый начал собирать памятники их устного народного творчества.

Немногочисленные научные труды Туккаева имели большое значение, ибо познакомили представителей русской науки с языковыми и этнографическими богатствами осетинского народа. Работы Туккаева по этнографии и фольклору дигорцев способствовали тому, что изучением осетин в этнографическом и языковом отношении занялись такие видные ученые, как М. М. Ковалевский и В. Ф. Миллер. Их капитальные труды по изучению осетин вызвали интерес к дальнейшему изучению этого народа не только среди представителей отечественной науки, но и среди западноевропейских ученых.

¹⁶ Перу С. А. Туккаева ошибочно приписываются (Дзагуров, *Тамара* статей по кавказоведению, помещенных в газете «Терские Ведомости», Владикавказ, 1923, стр. 2 и 3): очерк «Чеченцы в роли археологов» («Терские Ведомости», 1890, №№ 1, 4—7, 10 и 11) и эпическая поэма «Кровь за кровь» из времен царя Золотой орды Тохтамыша и его преемников, напечатанная также в «Терских Ведомостях» (1890, №№ 20, 22, 23, 29—34). Нет никаких оснований приписывать эти статьи Туккаеву, который не занимался ни археологией Чечни, ни устным народным творчеством ногайцев. Указанные статьи подписаны *Иваном С. С.*, за которыми, быть может, скрывается не С. А. Туккаев, а старший помощник уездного исправника Юртовского округа Н. С. Семенов, много писавший тогда в местных газетах об археологии и этнографии горцев Северного Кавказа («Терские Ведомости», 1890, хаше *Cordylophora caspia*, *Spongilla lacustris*, *Platystrophia peregrina*, *Cristatella strobila*, №№ 76, 79, 81, 83, 84, 87; 1891, № 3; 1892, №№ 95 и 100; 1895, № 90; 1896, №№ 92, 95, 121 и 124) и напечатанной книгу «Горцы Северо-восточного Кавказа» (СПб., 1895).